

Тверская рукопись Юрия Крижанича.
Тверь: Сатори, 2008. 224 с.; ил.

Рецензия – текст вторичный и субъективный. Исследователи рецензии как жанра письменной речи, существующего в границах и научного, и публицистического стиля литературного языка, основными речевыми намерениями (интенциями) автора рецензии называют три: сообщить о факте, дать ему свою оценку и призвать адресата к действию (прочитать книгу, посмотреть фильм, послушать оперу и т.д.). Особенности реализации в рецензии информирующей, оценочной и прагматической интенций (их выражение на уровне текста или подтекста) не в последнюю очередь зависят от специфики адресата. Чем просвещеннее, по мнению рецензента, его читатель, тем менее явными, вербальными, словесно выраженными должны быть оценка и призыв – и тем более текст должен быть насыщен фактами (которые рецензент посчитал важными, в том числе для передачи собственного видения предмета речи), достаточными для того, чтобы читатель заинтересовался – и прочитал, посмотрел, послушал...

Ситуация, когда автор-лингвист пишет рецензию, адресованную в первую очередь читателю-историку, не относится к разряду обычных. Сугубо лингвистические проблемы, актуализируемые выходом в свет тиражом в 300 экземпляров «Объяснения сводного о письме славянском», вряд ли для него первостепенны. Но факт факсимильного издания рукописи 1661 г. заинтересовать может: далеко не все ждущие своей публикации тексты XVII века издаются при содействии власти (в нашем случае – Администрации Тверской области). Счастливое стечение обстоятельств: в Твери в 2008 г. проходят Международные дни славянской письменности и культуры, а опубликованный текст – практически первый в истории славяноведения научный труд по сопоставительному изучению графики и орфографии славянских языков – хранится сегодня в Государственном архиве Тверской области.

Правда, рукопись однажды уже была опубликована в России. Но публикация 1891 г., подготовленная учителем всеобщей и русской гражданской истории В.И. Колосовым, который 23 марта 1888 г. обнаружил анонимный текст в библиотеке Тверской духовной семинарии, публикация, «не передававшая всю точность, красоту и изящность текста» (по словам составителей современного издания И.Г. Воробьевой и В.М.

Воробьева), давно стала библиографической редкостью. Первый публикатор, изучавший рукопись при содействии лингвистов А.А. Шахматова, Я.К. Грота, Я. Ягича, членов Общества истории и древностей Российских при Московском университете М.Н. Сперанского, В.Н. Щепкина, В.О. Ключевского, установил, что автором рукописи является Юрий Крижанич – «гениальная личность», как оценил его в письме от 21 декабря 1888 г., адресованном учителю В.И. Колосову, будущий академик и реформатор русского правописания А.А. Шахматов. Именно он предлагал издать рукопись Крижанича «с научным комментированием и критическим методом воспроизводства текста», но эта рекомендация была осуществлена только через 120 лет И.Г. Воробьевой и В.М. Воробьевым. Составители сопроводили факсимильное издание переводом текста на современный язык, историческим и лингвистическим очерками, а также докладом В.И. Колосова, прочитанным «в заседании» Тверской ученой архивной комиссии 23 марта 1888 г. Приведены в книге и основные даты жизни и деятельности Юрия Крижанича, «хорвата по национальности, католика по вероисповеданию, просветителя по призванию, – выдающегося деятеля общественно-политической мысли России» (Л.Н. Пушкарев); правда, около некоторых дат и сегодня стоит вопросительный знак.

Ученые спорят о дате рождения одного из величайших энциклопедистов мира (1618?), как и том, когда именно он учился в семинарии Загреба. Следующими точками на географической карте его жизни стали города Болонья, Рим, Краков, Варшава, Смоленск, Москва, Пешт, Константинополь, Львов, Нежин, Великий Устюг, Ярославль, Сольвычегодск, Верхотурье, Тюмень, Тобольск, Вильно... Страны, города и языки «дистанционно» перекликались и пересекались в жизни этого поистине «евразийца»: в Риме Крижанич учился в греческом коллегииуме Конгрегации пропаганды святой веры; первая встреча с русским языком произошла в Варшаве, где он скопировал русские слова на стволах пушек, отбитых у русских, и на мраморной плите над гробами Шуйских, установленной по велению польского короля Сигизмунда III; в Тобольске, кроме всего прочего, написал сочинение «О китайском торгу», которое было прочитано в Москве дьяками Посольского приказа, и по поручению того же Посольского приказа перевел с голландского языка на ла-

тынь книгу о посольстве в Китай; в Вильно сочинил на латыни «Историю Сибири»... В Вене в 1638 г. Крижанич учился; при осаде Вены турецкими войсками, находясь в польском войске под предводительством короля Яна Собеского, погиб 2 (12) сентября 1683 г.

Кажется, что Тверь – в контексте нынешнего разговора о Крижаниче – занимает на его пути к сегодняшнему российскому читателю какое-то символическое место. В октябре 1647 г. в составе польского посольства он впервые в жизни увидел с Поклонной горы Москву, куда (как к средоточию всех своих надежд на справедливое мироустройство, при этом – по воле русского царя) так стремился всю свою жизнь. Но посольство свернуло с прямой дороги: как пишет Л.Н. Пушкарев, «ему было предопределено вступать в столицу через Тверские ворота». Последний маршрут Крижанича, уезжавшего из Москвы вместе с датским посольством фон Габеля в октябре 1677 г., пролегал через Клин, Тверь, где должна были быть последняя на русских землях продолжительная стоянка, Торжок, Псков... Рукопись «Объяснения сводного о письме славянском», над которой Крижанич закончил работать 8 августа 1661 г. в Тобольске, оказалась в Твери, по предположению В.И. Колосова, в начале XVIII в. Вероятно, её приобрел тверской архиепископ Феофилакт, по духовному завещанию которого его личная библиотека была передана в 1743 г. Тверской духовной семинарии... Но еще более важное место в судьбе (по официальным русским документам) «выходца сербина Юрья Иванова сына Белина» (Юрия Билиша; Юрья Иванова сына Сербина) занял Тобольск, куда Крижанич прибыл 8 марта 1661 г. и где прожил 15 томительных лет, – и этот факт не может оставить равнодушным сибирского читателя, лишний раз уверившегося в том, сколь значим этот сибирский город в духовной истории славянского мира.

Биографы Крижанича (в том числе и авторы Интернетовской Википедии, противоречащие сами себе в указании дат рождения и смерти Крижанича: 1617–1693), восстанавливая жизненный путь своего персонажа, постоянно подчеркивают его одиночество, его не востребованность современниками. И.Г. Воробьева, предваряя факсимильный текст «Объяснения сводного о письме славянском», ссылается на слова самого Крижанича, опубликованные В.О. Ключевским: «Меня называют скитальцем, бродягой; это неправда: я пришел к царю моего племени, пришел к своему народу, в свое отечество, в страну, где единствен-

но мои труды могут иметь употреблением и принести пользу, где могут иметь цену и сбыт мои товары – разумею словари, грамматики, переводы» (*Тверская рукопись Юрия Крижанича*. С.9). Первый научный труд в этом ряду, над которым Крижанич начал трудиться в Москве «по указу великого государя», – «Объяснение виводно о письме словенском» (именно так следует написать название, приближаясь к графике оригинала. Как мы уже знаем, работа над ним была завершена в Тобольске). По словам И.Г. Воробьевой, «в нем, стремясь к совершенству и самодостаточности славянского письма, Крижанич предложил орфографические правила, которые образовывали строгую систему». Подробному анализу этого научного «товара», не нашедшего в свое время «сбыта», хотя и известного отдельным знатокам, посвящена в рецензируемом издании прекрасная статья Н.Н. Запольской ««Объяснение виводно о письме словенском»: графико-орфографические опыты Крижанича» (С. 181–197).

Л.Н. Пушкарев (ссылки на труд которого есть практически в каждой современной публикации о Крижаниче) писал в 1984 г.: «Крижанич был лишен возможности практической деятельности. Он предложил свои услуги царю – они не были приняты. Положение иноземца, да еще убежденного католика, создало вокруг него своеобразную «полосу отчуждения». Он пытался сблизиться со сторонниками западного образования и просвещения – А.С. Матвеевым, Ф.М. Ртищевым, С. Полоцким, но не вошел в избранный придворный круг. Находясь в ссылке в Сибири, он также не нашел ничего общего с окружающим его обществом. Он не вошел в него, хотя общался со многими. Крижанич жил в России почти 20 лет – одинокий, непонятый, не оцененный и никому не нужный. И его труды при всем богатстве и необычности заключенных в них идей, при всем остроумии и несомненной одаренности автора (скажем больше – талантливости!) остались просто обычными теоретическими трактатами»¹.

Одной из причин гражданской, общественной и религиозной изоляции потенциального «виднейшего политического деятеля» эпохи Алексея Михайловича Л.Н. Пушкарев называет «проницательность царедворцев», вовремя оценивших «опасность приближения к царскому престолу человека, способного легко

¹ Пушкарев Л.Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1984. С. 188–189.

затмить их» (Пушкарев Л.Н. С. 189). Но кроме этой субъективной причины существует и объективная, которую тверские издатели 2008 г. сформулировали как «мало понятный широкому кругу читателей язык» (Тверская рукопись Юрия Крижанича. С. 12), а Л.Н. Пушкарев заключил в следующее предложение: «Сочинения хорвата были известны лишь узкому кругу лиц, да и многие из них предназначались изначально не для всего русского общества, а для царя и самых ближних лиц из его окружения» (Пушкарев Л.Н. С. 189). (NB! Лингвистические термины «язык», «текст», «адресат»!)

Итак, мы оказались «лицом к лицу» с основным для лингвиста, но до сих пор не определенным однозначно понятием «язык». В недавней публичной лекции В. Плуменяна (доктора филологических наук, членкора РАН, заведующего секторами Института языкознания РАН и Института русского языка РАН), посвященной современной корпусной лингвистике (лекция выставлена в Интернете по адресу http://www.polit.ru/lectures/2009/10/23/corpus_print.html), читаем: «... Что такое язык – неизвестно точно. Существует он или нет – неизвестно, может быть и существует, но тексты – вот они, их надо изучать. И теперь, благодаря корпусу, это очень легко делать». Только тексты Крижанича в корпус русских текстов (своего рода электронную библиотеку, единицы хранения в которой имеют специальную разметку и предназначены не для чтения, а для исследовательской работы) ввести, наверное, невозможно – они написаны на созданном им «общем славянском книжном языке», и ни одна их публикация, кроме факсимильной, не способна дать представления об этом языке. Именно поэтому столь бесценно тверское издание 2008 г.!

Русский же язык представлялся Крижаничу «главным среди прочих наших в том отношении, что вы одни из всего нашего племени имеете природного государя и все дела государственные и церковные ведете на собственном языке», – такие слова Крижанича, сказанные им в Варшаве московскому дипломату Г.С. Дохтурову в декабре 1647 г., со ссылкой на недавно открытые документы приводит С.А. Белокуров в своей книге 1902 г. И неразрывная связь государя с языком государства представляется Крижаничу необходимейшим условием для того, чтобы путем просвещения и литературного сближения всех славян обеспечить славянскому миру достойное будущее.

Идея «всеславянского языка» Крижанича породила бесконечные научные и политические дискуссии, о которых вряд ли стоит рассуждать лингвисту. Но именно язык стал первопричиной всех этих дискуссий... По словам Л.Н. Пушкарева, русский царь повелел Крижаничу, предложившему ему свои услуги в самых различных областях культуры и государственной службы, «приступившему к поучению царя», «алфавит истинный славянского языка составить и грамматику исправить», чтобы под этим предлогом не допустить ученого хорвата к русским «государским делам». И Крижанич занят любимым делом и убежден: когда просвещенный царь прочтет его труды (научные трактаты и актуальные политические сочинения), он сможет изменить жизнь государства. И поэтому отзывается своими сочинениями на все представляющиеся ему важными события бурного XVII века!

... Среди вопросов по философии и по общему языкознанию, на которые и студент, и сдающий кандидатский минимум аспирант обычно отвечает с трудом, есть вопрос о взаимоотношениях языка и государства. Кажется, что пример жизни Юрия Крижанича и судьба его творческого наследия, столь активно востребованного почти через четыре столетия, может стать прекрасной для него иллюстрацией.

А среди собственно лингвистических вопросов, на которые дает ответ тверское издание 2008 г., важно обратить внимание на выводы его публикаторов: «... Крижанич не пытался осуществить реформу славянского письма, объединив элементы кириллицы и латиницы, и не создавал «общего» славянского языка, а лишь «исправлял» славянское письмо и церковнославянский язык, понимаемый им как «общий» славянский книжный язык. <...> Создавая свои лингвистические труды для «рассмотрения людей разумных», Крижанич реально способствовал языковой встрече двух культур – Slavia Orthodoxa и Slavia Latina, следовательно, он вряд ли может быть назван «неудачником и мучеником своих благородных увлечений», а его лингвистическое наследие – «недоразумением», поскольку «такого рода недоразумения суть едва ли не обязательное условие при встрече различных культур; если бы не было взгляда извне, которому всё видится несколько иначе, чем взгляду изнутри, не было бы и встречи» (С.С. Аверинцев)».

О.В. Трофимова